

Эмиль Неллиган

[238]

ИЛ 2/2021

Стихи

Перевод с французского Романа Дубровкина
Вступление Людмилы Пружанской

“Его характер удивительно соответствовал его очаровательной и необычной внешности. Ирландец по отцовской линии и франкоканадец по материнской, он сам ощущал в себе смешение двух кипящих кровей. Он обладал живым умом и дьявольским темпераментом галла, который при этом легко впадал в отчаяние, происходящее из мечтательного мистицизма и мрачной меланхолии кельтского барда. Представьте себе, какая пламенная и взрывная душа родилась из этого смешения! Как ослепителен в ней порыв, внутреннее усилие, борьба, иллюзия и сердечная мука! И затем вообразите эту душу, обреченную на одиночество, как бы замурованную в саму себя. А значит, не предрешен ли был взрыв, приведший в итоге к безумию?”

Эти образные и вместе с тем точные слова относятся к франкоканадскому поэту Эмилю Неллигану и принадлежат перу его наставника — литератора и издателя Луи Дантена (1865—1905). Именно Дантен (настоящее имя — Эжен Сирс) способствовал публикации первого сборника стихов поэта, вышедшего в 1904 году в монреальском издательстве “Бошмен”, и написал к нему предисловие. Оформленная в стиле art nouveau книжечка, объединившая 107 стихотворений, разошлась по буржуазным салонам.

Прошло время, и ныне Неллиган и его творчество превратились в предмет обожания восьмимиллионной квебекской нации, на протяжении более

чем четырех столетий последовательно отстаивающей право на свою лингвистическую и культурную самобытность. Достаточно приехать в провинцию Квебек, чтобы убедиться: Неллигана здесь знают все!

Его имя — в названиях улиц и площадей, школ и библиотек. В самом сердце квебекской метрополии, старом Монреале — месте притяжения туристов, — есть отель и ресторан “Неллиган”. Художники (среди них видный абстракционист XX века Жан-Поль Риопель) посвящают его творчеству свои графические и живописные работы, а композиторы продолжают писать на его стихи романсы. Тридцать лет назад самый известный квебекский драматург Мишель Трамбле сочинил на музыку Андре Ганьона либретто оперы “Неллиган”. Этот спектакль о трагической жизни поэта и его ярком творческом взлете, продлившемся, однако, так недолго, идет на монреальской сцене с неизменным успехом. Изучение Неллигана входит в обязательную школьную программу.

Чем объяснить нынешний культ этого поэта-одиночки, поэта-декадента в то время как поп-культура уже давно и безраздельно господствует на просторах Северной Америки?

Представьте себе молодого человека, родившегося в 1879 году в заснеженной и скованной льдами Канаде, который, открыв для себя творчество “проклятых поэтов” из далекой Франции, осознает с ними свое редкое духовное родство! Эмиль Неллиган становится страстным почитателем Бодлера, Верлена и Рембо, с которым к тому же иные находят у него внешнее сходство. Неллигану близка их тоска по гармонии и понятна горечь от ее недостижимости, однако, следуя за своими кумирами, он не станет их слепым эпигоном.

В его творчестве, в частности, найдет место образ, важный для понимания национального мировосприятия: это северная зима как источник “расцветающей скорби” в “иниевом саду”, когда поют “февральские птицы”. Неллигановский шедевр “Зимний вечер”, в котором причудливо соединено несочетаемое, ныне входит в классику мировой франкоязычной поэзии. Но помимо таланта были ли обстоятельства, предопределившие эстетический выбор и судьбу поэта? Безусловно, да.

Выходец из монреальской двуязычной семьи, Эмиль Неллиган, по свидетельствам очевидцев, с раннего детства конфликтовал со своим отцом — строгим чиновником, говорившим по-английски. Всей своей трепетной душой мальчик благоволил к матери, нежной и понимающей женщине. Ее родным языком был французский, да и назвали Эмиля в ее честь. Кстати, этим фактором (“эдипов комплекс”) сторонники фрейдизма объясняют неодолимую тягу молодого поэта к французскому культурному началу как таковому. К своему счастью, это влечение он смог удовлетворить, посещая Монреальскую литературную школу — салон, где собиралась франкоязычная богема: поэты и артисты, многие из которых, как и он, искали в творчестве и жизни бодлеровское “опьянение”. Именно там, в долгих вечерних сумерках, при свете свечей и за бутылкой провансальского вина, шли обсуждения только что прочитанных стихов. Звучали скрипичная и фортепианная музыка, но

также порой закипали нешуточные страсти. Эмиль воцарился над всеми и вызывал зависть других: он был на редкость хорош собой...

Буйный темперамент Неллигана и, как следствие, порой непредсказуемые поступки, зачастую ставящие в тупик благонамеренных католиков, определявших образ жизни французской Канады, приведут поэта к насильственной госпитализации. Его, девятнадцатилетнего, поместят в психиатрическое отделение монреальского приюта Сен-Жан-де-Дье, в котором ему будет суждено оставаться сорок два года до самой смерти. Неллиган не напишет там ни строчки. Близкие, навещавшие его, засвидетельствуют: их Эмиль никогда уже не выйдет из состояния отрешенности. И это насильственное заточение станет еще одним звеном квебекской легенды, позволившей говорить о Неллигане как о поэте со сломанной судьбой, как о трагической жертве. Но чьей? Жестокого англоязычного отца, решившего “скрутить” сына, сочиняющего по-французски? Консервативного общества? Или самого себя?..

“Невроз — чудовищное божество, которое дарит талант, но и влечет смерть, — унес жизнь бедного поэта, — таков будет ответ Луи Дантена. — Щедро одаренный с детства, Неллиган пал его жертвой, как в свое время случилось с Эжезипом Моро, Мопассаном, Бодлером, да и многими другими творцами, на которых он так мечтал походить. Невроз убил Неллигана и в конце концов убьет всех мечтателей, скорбно склонившихся сегодня у его священного алтаря”.

Творческая близость Дантена с Неллиганом по прошествии лет позволили некоторым исследователям выдвинуть сенсационную гипотезу: а не сам ли Дантен написал за Неллигана его чудесные стихи? Уж слишком молод и неопытен был тогда поэт, а тридцатидевятилетний Дантен, напротив, отличался огромной литературной эрудицией и жизненным опытом. Да и почему Неллиган не оставил больше ни строчки? Этот и другие вопросы легли в основу 450-страничной монографии литературоведа Иветт Франколи “Le Naufragé du Vaisseau d’Or” (“Пропавший с борта ‘Золотого фрегата’”) (Монреаль, 2013). Впрочем, проведенный Франколи подробный текстуральный анализ, а также полученные ею выводы не смогли поколебать абсолютного культа Эмиля Неллигана, давно утвердившегося в Квебеке.

Его свидетельством, среди прочего, является и следующий символический жест: в 2003 году в рамках культурного обмена между двумя северными столицами, Квебек передал в дар Санкт-Петербургу бюст поэта, который ныне украшает пересечение Московского проспекта и 4-й Красноармейской улицы. Благодарный Петербург отправил в Квебек бюст А. С. Пушкина (его установили в саду у здания Национального собрания).

Тем самым было еще раз подтверждено, что именно поэты остаются наилучшими посланниками народов, по-прежнему доверяющих им, поэтам, самое сокровенное и возвышенное.

Монреаль, 25 июня 2020